

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

© 1990 г.

А. А. Белик

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ — ПОИСКИ СИНТЕЗА В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

Психологическая антропология — междисциплинарная область исследований, сформировавшаяся во взаимодействии психологии и антропологии¹. В 1920—1930-х годах в США возникает направление исследований «культура и личность»², с 1961 г. получившая название «психологическая антропология». Конец 1950-х, 1960—1970-е годы — это время дискуссий о содержании и перспективных направлениях развития психологической антропологии. Основное внимание уделялось анализу предмета, базовых понятий, поискам новых областей исследований, а также возможному преобразованию направления и основной задачи психологической антропологии³. Несмотря на некоторые новые подходы к пониманию предмета и задачи этой отрасли науки (Ф. Хсю, М. Спиро, Дж. Барков, Ле Вин), все же большинство антропологов в той или иной степени согласны с определением приоритетного направления исследований, предложенного еще М. Мид, а именно как изучение специфики мышления, действий и чувств индивида в условиях данного этнокультурного окружения, т. е. особенностей личности в условиях различных культур. Важным аспектом психологической антропологии было и остается стремление понять взаимоотношение между индивидуальными психологическими и социокультурными феноменами. Наиболее емко суть психологической антропологии как взаимодействия «между антропологическими проблемами и психологическими теориями, сосуществовавшими с этими проблемами»⁴, сформулировал современный исследователь Ф. К. Бок.

Важной исторической вехой в развитии психологической антропологии стал VI конгресс МКАЭН (Чикаго, 1973 г.). Секция «психологической антропологии», работавшая под председательством М. Мид, была одной из наиболее представительных на конгрессе. Общий объем работ, поданных на секцию, — 2 тыс. страниц. Анализ состава ее участников показывает, что психологическая антропология получила широкое признание и распространение фактически во всем мире. Активное участие в разработке этой области знания принимают ученые из ФРГ (И. Эйбл-Эйбсфельдт), Италии (В. Лантенари), Гватемалы (А. Мендес-Доминигес) и др. Как отмечает один из организаторов секции и редактор обобщающего труда «Психологическая антропология» Т. Р. Вильямс, в мире насчитывается большое число исследователей, изучающих «судьбу индивидов в специфическом культурном контексте, интерпретирующих данные, полученные в этих исследованиях различными психологическими теориями»⁵, т. е. работающих в рамках психологической антропологии, хотя и не всегда называющих свои исследования именно этим термином.

В последующем развитии психологическая антропология получила организационное оформление. В 1977 г. основано Общество психологической антропологии, периодическим органом которой стал журнал «Этос». В 1978 г. начал издаваться «Журнал психологической антропологии», позднее переименованный в «Журнал психоаналитической антропологии». Середина 1970-х — 1980-е годы знаменуются выходом ряда фундаментальных трудов — В. Барнова, Р. А. Ле Вина, Э. Бургиньон, Ф. Бока и обобщающей работы под редакцией Дж. Спиндлера⁶.

Психологическая антропология 1960—1980-х годов характеризуется разнообразием подходов в рамках общего понимания предмета. Поэтому при ее анализе возникает объективная необходимость зафиксировать область ее исследований в более или менее адекватной схеме. На основании изучения современных подходов я построил общую схему области исследований психологической

антропологии, в которой выделяются наиболее актуальные, с моей точки зрения, аспекты развития. Основное внимание при разработке схемы уделялось современным исследованиям (1960—1980-х годов), но это не исключает историко-генетического подхода. В качестве основополагающего принципа при построении структуры исследований психологической антропологии применяются два основных деления: по методу и предмету, точнее, области исследований. В соответствии с таким подходом структура исследований в психологической антропологии будет иметь такой вид:

Психологическая антропология

Деление по методу

- А. Психоаналитический подход
- Б. Психологический подход
- В. Этологический подход

Деление по предмету (области исследований)

- I. Традиционные этнопсихологические исследования
- II. Междисциплинарные исследования
- III. Проблемно-теоретические исследования

Каждое из предложенных подразделений нуждается в пояснении, так как имеет свою собственную структуру.

А. 1. Концепция культуры З. Фрейда и ее влияние на этнопсихологию. Разработка психоаналитической антропологии в работах Г. Рохейма. Современное бытие психоанализа — психоистория. Этнопсихоанализ Дж. Деверо. 2. Э. Фромм и его влияние на психологическое направление в антропологии. Положительный психоанализ А. Маслоу. Гуманистическая психология как теоретическая ориентация и научная программа психологической антропологии.

Б. 1. Исследование особенностей восприятия в различных культурах (цвета, геометрических форм, красоты и т. д.) 2. Межкультурный анализ познавательной деятельности. Мышление и культура. 3. Этносемантика.

В. 1. Анализ агрессивности и насилия в различных культурах. 2. Исследование эмоционально-чувственной сферы в генетическом и функциональном аспектах. Ненависть, любовь, страх, тревожность, привязанность и их роль в различных этносах. Невербальная коммуникация у детей, взрослых и животных. 3. Ритуал и процесс ритуализации как важнейший аспект этнопсихологических исследований. 4. «Ранний опыт» — «импринтинг» — специфически этнопсихологическая проблема. «Сенситивный период» и его значение для человека. 5. Этологическая научная программа — теоретическая ориентация психологической антропологии⁷.

I. а. Психологический анализ форм народной терапии. б. Этнопсихиатрия. Измененные состояния сознания. в. Изучение детства в условиях различных культур. г. Современные исследования национального характера.

II. а. Анализ религий психологической антропологией. б. Экология и психологическая антропология. в. Взаимодействие психологической антропологии с биологией человека. г. Социальная психология и психологическая антропология.

III. а. Соотношение природного и культурного. б. Ритуал. в. Психологическая антропология: от изучения уникальности и специфичности к синтетическому анализу культурных различий и общечеловеческой природы.

Предложенная схема есть исходный пункт, основа, которая систематизирует разнообразные исследования в более или менее завершенной форме. Таким образом, общая структура исследований психологической антропологии не только итог, но и средство, инструмент анализа психологической антропологии в истории и на современном этапе.

Необходимо обратить внимание на еще одну особенность современной психологической антропологии. Структура исследований, представленная выше, содержит исторические этапы развития этой дисциплины и одновременно есть отражение ситуации, сложившейся в 1960—1980-х годах, т. е. синхронный логический срез рассматриваемого явления. Необходимо также отметить, что исторически изжившие себя приемы, методы исследования не всегда уходят с поля научных баталий, их никто не отменяет декретом. Они лишь теряют свою актуальность, перестают быть главным направлением развития, перемещаются на периферию, но не исчезают совсем. Видимо, здесь есть своя логика и историческая необходимость. Например, классический психоанализ и ныне используется в психологической антропологии⁸. Он нашел свое новое применение в психоистории, анализе психоантропологии современного общества⁹. Это же замечание касается и одной из важнейших тем направления «культура и личность» 1930—1940-х годов — анализа «модальной» личности. Действительно, первые попытки изучения особенностей психики, обусловленные принадлежностью к той или иной этнической общности, не всегда были продуктивными. Видимо, это был необходимый этап поисков, на котором, как правило, бывают и неудачи. Но при этом нельзя забывать, что в это же время (1930—1940-е годы) были и интересные работы М. Мид, смелые теоретические построения Р. Бенедикт, кропотливый анализ эмпирического материала Г. Рохеймом, накопление массы реальных фактов, требовавших объяснения.

В 1970-е годы получили развитие новые способы изучения особенностей этнопсихологии в рамках анализа этнического плюрализма в США. Большую роль здесь играет психокультурный подход к исследованию этничности, сторонники которого выразили свое кредо в коллективном труде «Этническая идентичность». Среди авторов — известные психоантропологи М. Мид, Дж. Де Во, Т. Шварц, Дж. Деверо. Один из наиболее интересных и продуктивных подходов к этой проблеме

представлен у Де Во. Он связывает исследование «национального характера» с поисками человеком смысла своего существования, принадлежности «я», которое может быть ориентировано на прошлое, будущее, настоящее. Прошлое (культурные традиции) связано с ориентацией на этническую группу, происхождение. Будущее (идеология) — с революционными или религиозными движениями. Настоящее (функциональный аспект) — с чувством общности как члена этнополитической общности¹⁰.

Развитие психологической антропологии показало непродуктивность сведения исследований особенностей психологии личности в условиях различных культур только к теме «модальная личность», позже «национальный характер». В связи с этим автор разделяет скептицизм ряда ученых (наиболее отчетливо из советских этнографов это выразил В. И. Козлов)¹¹ в продуктивности анализа этнических особенностей психики при помощи понятия «национальный характер» как *главного* направления исследований. Но означает ли это, что нет особенностей психологии личности, функционирующих в различных этнокультурных условиях? Перефразируя слова В. И. Ленина, следует ответить, что проблема состоит не в том, есть или нет этнокультурно обусловленные особенности психики, а как их выразить в понятиях, категориальном аппарате науки, на каком уровне вести исследование. Весь исторический путь психологической антропологии по сути дела есть попытка решить проблему анализа психологии личности в условиях различных культур, учитывая при этом единство человеческого рода.

Современный этап поисков детерминант особенностей личности в условиях различных культур идет по пути создания общей концепции человека. Проанализируем подробнее один из предлагаемых способов решения этой глобальной задачи на путях взаимодействия психологической антропологии и экологии. Рассмотрение именно этого аспекта психологической антропологии представляется необходимым также еще по одной причине: взаимодействие экологии и этноса достаточно активно исследуется и в нашей стране¹².

Предваряя анализ взаимодействия психологической антропологии и экологии, необходимо в общем виде ответить на следующие вопросы: в каких процессах происходит воздействие окружающего на психологические особенности личности: какие методы, подходы используются при их познании; на что именно влияет окружение в структуре личности. Основной процесс, в котором изучается воздействие окружающей среды на личность, — это энкультурация (социализация), входящие индивида в культуру. Кроме этого, специально исследуется влияние на психологические особенности личности природного и социального окружения в процессе познания, труда, игр и ритуалов. При анализе воздействия окружения на особенности личности используются экспериментально-психологический и этнологический подходы, а также применяется целостный анализ, совмещающий по возможности все ориентации психологической антропологии. Если в экспериментально-психологическом подходе основной предмет анализа — психологические черты, то в этнологическом — эмоционально-психологические состояния. Основной предмет целостного интегративного подхода — анализ формирования личности в процессе энкультурации с учетом экологического фактора. Собственно, это и есть основной вопрос психологической антропологии — соотношение личности, культуры и природного окружения.

Необходимость учета влияния экологического окружения на психологические свойства, качества личности первым обосновал А. Кардинер. Разрабатывая концепцию «основной личностной структуры», он подразделил культуру на две части: первичные и вторичные институты. Основная личность определялась первыми и определяла последние. Понятие «институт» трактовалось Кардинером как «фиксированный способ мышления или поведения, разделяемый группой индивидов (общностью)». Первичные институты (тип экономики, особенности социализации и ведения домашнего хозяйства и др.), по его мнению, во многом результат исторической адаптации общности к окружающей среде. Вторичные — результат воздействия первичных на «основную личность», ее прецедия (религия, мифология, фольклор, ритуал, табу, техника мышления). «Вторичные институты, — утверждает А. Кардинер, — могут ... быть объяснены только как эффект воздействия первичных на человеческое мышление»¹³. По форме идея Кардинера была интересна и продуктивна, но сам автор не смог реализовать ее возможности ввиду противоречия с фрейдистским содержанием понятия «основная личность» (как совокупности тревог, неврозов и защит) и отсутствием достаточных полевых исследований экологической детерминанты. Концептуальная схема, предложенная психиатром (окружение — первичные институты — основная личность — вторичные институты — проективные системы), была чужда клинической психопатологии, которую Кардинер пытался привлечь для иллюстрации этого построения. Но тезис об опосредованной взаимосвязи окружения и личности получил в психологической антропологии всестороннее развитие.

Итак, влияние природного окружения на особенности личности опосредовано социокультурной системой, прежде всего способом субстанциальной активности, типом хозяйства. Основные понятия и отношения рассматриваемой проблемы могут быть представлены в виде серии взаимодействий. Природное окружение (экология) — субстанциальная активность (экономика) — особенности воспитания детей (социализация, энкультурация), которые влияют на: 1) психологические особенности личности; 2) наличие или отсутствие детского труда в общности, его формы; 3) особенности ритуалов и других проективных систем (религия, магия, искусство, игры). Предложенная схема представляет собой логическую реконструкцию структуры исследований, имеющих в качестве своего предмета анализ взаимодействия естественного и культурного окружения на личность.

Одно из первых фундаментальных исследований рассматриваемой проблемы принадлежит трем авторам — Г. Барри, И. Чайд и М. Бэкон. Они предположили, что практика воспитания, особенно в позднем детстве, существующая в обществе, представляет адаптацию к характерной для

него субстанциальной активности. Обычно в антропологических исследованиях выделяют два типа деятельности по поддержанию существования субстанциальной активности (материального производства) — собирающий и производящий. К первому относятся охотники и собиратели, ко второму — сельскохозяйственное производство в различных его формах (пастушество, земледелие). В явной или неявной форме это деление содержит послышку о детерминирующем влиянии природной среды.

В процессе изучения 104 обществ в различных уголках земного шара была подтверждена гипотеза о тесной связи экономики и воспитания в традиционных культурах. В производящей экономике аграрных обществ ярко выражена тенденция к формированию у детей таких качеств, как послушание, ответственность, воспитанность, образующих психологический тип личности, для которого характерна уступчивость, уживчивость, умение жить сообща.

В обществах охотников и собирателей антропологи выявили установку на воспитание самоуверенности, стремления к индивидуальным достижениям и независимости. В целом эти качества образуют самоуверждающийся тип личности. Общий результат исследований антропологов состоял в отыскании устойчивой корреляции между деятельностью по поддержанию существования, которая во многом определяется природными условиями, и характерными чертами личности, формируемыми в процессе социализации¹⁴.

Несколько иначе подошел к этой же проблеме участник проекта «Культура и экология» Р. Эдгертон при анализе четырех обществ Восточной Африки: Hehe в Танзании, Kamba и Pokot в Кении, Seble в Уганде. Каждое из этих традиционных обществ представляет смешение пастушеских и фермерских групп населения. Основная направленность его исследований — сравнительный анализ влияния природных условий, экономики, особенностей деятельности на личностные характеристики выделенных групп населения. Он обнаружил, что у пастушеской части населения более развиты такие свойства, как независимость, открытое выражение агрессии и др. Основной чертой, определяющей характер пастушеского населения, является, по его мнению, «открытость». Необходимо подчеркнуть, что Р. Эдгертон не просто констатирует наличие черт характера, а исследует их функционирование в культурном контексте: в совместной деятельности по поддержанию существования, в сексуальных отношениях, в связи с психозами, депрессиями, самоубийствами¹⁵. Аналогичное исследование было проведено Р. Болтоном и его коллегами в перуанских Андах¹⁶.

Относительно самостоятельным подходом к рассматриваемой проблеме является изучение влияния на личность особенностей познавательных процессов и специфики восприятия, в свою очередь зависящих от природного и культурного окружения. Особенность такого подхода состоит в ограничении предмета исследования процессами восприятия, познания, мышления и преимущественно экспериментально-психологическим методом изучения. В процессе решения экспериментальных задач представителями различных этнических общностей были выделены два общих типа познания — «когнитивных стилей»: глобальный и артикулированный. Понятие «когнитивный стиль» было предложено Г. А. Виткиным и его соавторами. «Человек с артикулированным когнитивным стилем — это человек, склонный к дифференциации и организации признаков среды и к различению явлений, относящихся к его „я“ и явлениям внешнего мира. Для глобального стиля характерно обратное»¹⁷. При решении задачи или ситуации при глобальном стиле испытываемый идет на поводу у ситуации, которая нередко толкает на иллюзорное, обманчивое решение. При артикулированном стиле человек опирается на свой опыт, стремится «решить ситуацию», не доверяется внешней, часто обманчивой структуре¹⁸. Например, в наиболее яркой форме стили проявляются в эксперименте, где требуется определить направление «вверх». Визуальное поле намеренно искажено. Одни люди ориентируются на внешние признаки ситуации, другие на внутреннее чувство пространства. По мнению Виткина, существует нормальный ход когнитивного развития от глобальности (зависимости от поля) к артикулярности (независимости). Этот процесс психологической дифференциации в онтогенетическом развитии происходит под влиянием как социокультурных, так и экологических факторов. В качестве социокультурных факторов он выделяет отношение родителей к импульсивным действиям ребенка и наличие или отсутствие возможности быть самостоятельным. Наиболее важный экологический фактор — степень разнородности среды обитания. В контексте теории Виткина проводил исследования Дж. Берри¹⁹, используя при этом в измененном виде модель Бэкона, Чайлда и др. Большую роль он отводил физическому окружению. Наиболее интересен в этом плане сравнительный анализ этнической общности темне (Сьерра-Леоне, джунгли) и эскимосов Канады (тундра)²⁰. Но Дж. Берри не получил однозначного подтверждения влияния разнородности — однородности ландшафта на особенности личности. Более надежно подтвержден факт опосредованного влияния природных условий через тип хозяйства на психологические качества человека. При сравнении общностей различного уровня исторического развития Берри отмечает процесс изменения от большей дифференциации «я» к меньшей, т. е. явление, обратное обнаруженному Виткиным в процессе онтогенетического развития. В последующих работах Дж. Берри продолжил анализ психологической дифференциации личности в производящих и собирающих обществах и связал ее с уровнем иерархичности общности²¹.

Еще один исследователь, М. Вобер, также связал вариабельность когнитивных стилей и особенности личностных характеристик с населенностью общности на определенный тип деятельности, наиболее продуктивный в соответствующем культурном и природном окружении. Основное понятие его концепции — «сенситип». Для иллюстрации проведем сравнение сенситипов в современном и традиционном обществах. Так, например, в процессе энкультурации в Африке в традиционных обществах большую роль придают танцам и ритуалам, в Европе — обучению письменности. В Африке дети тренируются в проприоцептивности (внутренних телесных ощущениях), в Европе — в визуальном обучении. Эти особенности воспитания играют существенную роль в психологическом

портрете личности, в частности в специфике общения: в Европе большое значение имеет «символическая визуальная коммуникация», в Африке — музыкальные ритмы, невербальная коммуникация и др.²²

Но все же наиболее фундаментальные труды по рассматриваемой проблеме принадлежат Дж. и Б. Уайтингам и их соавторам. Особенность их работ в том, что они исходили из «психоанализа, изложенного на языке теории научения», использовали экспериментально-психологическую, социологическую и этнологическую методику полевой работы.

Первые контуры концепции, связывающей субстанциальную активность (понимаемую как экологическая адаптация), процесс социализации, особенности личности и проективные системы, были намечены Дж. Уайтингом в 1953 г. совместно с И. Чайлдом. Затем работа над этой темой была продолжена в 1961 г. в статье «Процесс социализации и личность» в книге «Психологическая антропология», изданной под редакцией Ф. Хсю. В новом издании этого же труда в 1972 г. Дж. Уайтинг в соавторстве с Дж. Харрингтоном дополнил свою схему. Полноправным компонентом ее стало природное окружение. Работы Дж. Уайтинга, Б. Уайтинга и их соавторов отличаются глубинным теоретическим осмыслением рассматриваемого круга проблем и интенсивной полевой работой. Наиболее фундаментальным их исследованием является «Проект шести культур», включающий ряд коллективных монографий. Обобщающий и итоговый труд этой серии работ — «Дети шести культур. Психокультурный анализ» (1975 г.). В этой книге теоретическая концепция Дж. и Б. Уайтингов получила наиболее разностороннее развитие и эмпирическое подтверждение. Их модель психокультурного развития — это методология целого цикла исследований, ее значение выходит далеко за рамки изучения развития детей в шести культурах. Это своеобразная материалистическая концепция воспроизводства в традиционных культурах. В ней взаимодействуют экологическое окружение (климат, флора, фауна), история, поддерживающие субстанциальные системы, детское обучающее окружение (культурная среда), взрослая личность в единстве приобретенной и врожденной составляющих и проективные системы (в которые включаются религия, магия, ритуалы, искусство и отдых, игры, уровень преступности и самоубийств)²³. В последующих трудах Дж. и Б. Уайтинги специально рассматривают роль окружения в психологической антропологии. «Для психологической антропологии, — пишут они, — важность инвентарных факторов объясняется в первую очередь их воздействием на поддерживающие системы, экономику, образ жизни и социальную структуру, которые детерминируют разделение труда, статус и роль взрослых». Эффект такого воздействия на психологические особенности личности, особенно в западных цивилизациях, не всегда заметен. Поэтому «одна из важнейших функций психологической антропологии состоит в отыскании этих скрытых различий»²⁴.

Наряду с опосредованным влиянием природного окружения Дж. и Б. Уайтинги выделяют и более непосредственное его воздействие на экономику, социальную и политическую структуру общности. Значительное место в их исследованиях отводится изучению непосредственного влияния природных условий на отношение дети — родители. Например, температура воздуха нередко оказывает определяющее влияние на выбор места, где будет спать ребенок: один в люльке, с матерью или даже с обоими родителями, один в комнате. Как показывают последние исследования, степень контакта младенца с родителями может существенно повлиять на его развитие в более позднем возрасте. Кроме того, температура воздуха влияет на пеленание, одежду, а также степень физического контакта с матерью. «Согласно нашей гипотезе, тесный физический контакт, — отмечает Дж. и Б. Уайтинги, — может иметь продолжительный эффект в реакции на физический стресс, физический рост и стиль коммуникаций»²⁵ и, наконец, на особенности характера ребенка. Важность непосредственного контакта с ребенком подтверждается современными исследованиями. Например, Р. Хайнд отмечает, что «тактильный, термальный стимулы, идущие от матери, вносят существенный вклад в ритм дыхания ребенка»²⁶.

Предметом исследования может быть влияние непосредственного природного окружения (ландшафта) на психологию восприятия пространства или связь плотности заселения жилища с особенностями отношения к ребенку в раннем детстве и др.²⁷

При определенных географических условиях наличие детского труда есть фактор, способствующий выживанию всей общности. Участие детей в процессе труда оказывает существенное влияние на их психологические качества. Этой проблеме посвящен ряд работ. Наиболее концентрированно данный вопрос разработан в обобщающей статье Р. Г. и Р. Л. Мунро и Г. С. Шиммин «Детский труд в четырех культурах: детерминанты и следствия». В процессе исследования выяснилось, что работающие дети предпочитают образцы взаимодействий, а соответственно и психологические качества, аналогичные типу труда, в которые они преимущественно вовлечены. Например, девочки, ухаживающие за детьми, переносят часть выработанных в этом процессе поведенческих стереотипов на всех детей младше себя. Было замечено также, что мальчики, занятые тяжелым трудом, чаще проявляют готовность взять ответственность на себя. Общий вывод авторов статьи: «... уровень детского труда детерминирован экологическим окружением и в свою очередь является одним из источников формирования характера ребенка»²⁸.

Модель психокультурных исследований, предложенная Уайтингами, — это своеобразная методология, категориальный аппарат и одновременно обобщающий итог предшествующих исследований в психологической антропологии. Она интегрирует многочисленные исследования и одновременно представляет оригинальный способ их интерпретации.

Для более цельной картины исследований, касающихся анализа взаимосвязи экологии и особенностей психологии личности, общие контуры которой обрисованы в данной статье, затронем изучение проективных систем (а именно особенностей ритуалов) под этим же углом зрения. Обратимся к работам Э. Бургиньон, которая, несмотря на свое критическое отношение к «Проекту шести культур», тем

Схема взаимодействий, влияющих на становление психологических особенностей личности

не менее убедительно показывает связь различных типов экстатических ритуалов с определенными типами экономики и соответственно природного окружения. Э. Бургиньон считает, что транс распространен там, где основной способ поддержания существования — охота; одержимый транс — где жизнь людей зависит от сельского хозяйства, производства пищи. В психологическом содержании экстатических состояний получил отражение характер социализации, определяемый в свою очередь типом экономики. Особенность онтогенетического развития выражается прежде всего направленностью общества в формировании тех или иных качеств человека в процессе воспроизводства в свете принятых в нем норм и ценностей. Естественно, что потребности общества охотников и аграриев в этом плане будут различны. Мужчины в обществе охотников воспитываются в духе независимости и самоуверенности, женщины в аграрных культурах — в духе уступчивости, ибо эти качества считаются наиболее желательными в их производственной активности.

В обобщенной форме окончательный вывод Э. Бургиньон состоит в следующем: «Транс соответствует обществам охотников и собирателей с минимальной стратификацией и слабо выраженной иерархичностью, в то время как одержимый транс связан с аграрным обществом, классовым расслоением и высокой степенью развитости политических иерархических структур»²⁹.

При этом нельзя не отметить то обстоятельство, что на способ вхождения в транс у мужчин существенно влияет окружающая флора, а именно растения галлюциногены. Например, американским индейцам известно более 80 видов наркотиков: грибы, кактусы, цветы, листья растений, корни и т. д. В современных обществах — шесть видов³⁰. Значительную роль в подготовке женщин к одержимому трансу играют табу на пищу, богатую животными протеинами и витаминами А и В³¹. Пищевые запреты такого рода способствуют созданию биохимической основы для одержимого транс.

Ритуальный транс имеет большое значение в традиционных обществах. Как выяснилось в процессе исследований, он играет существенную роль и во внутриорганических нейробиологических процессах индивида³². Таким образом, тот или иной тип ритуалов имеет не только психологические следствия, но и биологические основания. Тем самым в проективных системах получает закрепление определенная биологическая целесообразность действий человека, образуется сложная цепочка взаимодействий, которую можно выразить схемой (см. схему).

В процессе функционирования и воспроизводства общности важнейшую нормативно-регулятивную роль играет религия. В ней зафиксирована система норм, запретов, предписаний, имеющих значение для психологических особенностей личности, биологии организма человека, сохранения окружающей природы³³. Самое интересное здесь — вопросы о механизме формирования соответствия религиозных норм, биологии человека и окружающей среды, каким образом были найдены и закреплены именно те, а не другие ритуалы, традиции и т. д. Во многом эти проблемы еще не исследованы наукой.

Специфическую, но не обособленную группу составляют исследования воздействия окружения на психологические характеристики личности в рамках этологической ориентации. В этологическом подходе к психологической антропологии, в «этологии человека» рассматриваемая проблема приобретает форму анализа поведения в социальном и природном пространстве. Влияние окружения на психологические качества личности получает отражение в категориях, выражающих эмоционально-психологические состояния человека: «агрессивность», «враждебность», «эмпатия», «тревога», «привязанность», «страх», «любовь» и др. Важную связующую роль здесь играют потребности в уединенности и общении и степень их удовлетворения в современных и индустриальных обществах. Разрегулированность связи «я — другие», неудовлетворенность потребности в общении ведет к деградации личности вплоть до тяжелейших психопатологий³⁴.

Изучение воздействия социального и природного пространства состоит в установлении того, в какой степени они способствуют существованию или отсутствию, а также интенсивности эмоционально-психологических состояний. Наиболее простым примером подобного анализа является

выяснение влияния окружения на такое качество человека, как агрессивность. На интенсивность его проявления воздействует непосредственное физическое окружение: температура воздуха, сила звука, а также ряд социально-психологических факторов: скопление массы народа, деятельность средств массовой информации³⁵. Предметом изучения является и влияние особенностей климата, географических условий (высокогорье, изменение или стабильность светового дня) на агрессивность, тревожность и т. д.

В 1970—1980-е годы исследования влияния окружения на эмоционально-психологические состояния личности носят более системный целостный характер. Основная направленность анализа состоит в изучении взаимодействия личности — пространство (person — place). Пространственная детерминанта личности выражена понятием «территориальности»³⁶. Наиболее новое и, на мой взгляд, интересное воплощение такой подход получил в концепции «территориального функционирования» Р. Б. Тейлора. Территориальное функционирование рассматривается во взаимосвязанной, культурно и социально определенной системе поведения, познания, чувствования. Территориальное функционирование имеет психологические, социально-психологические и экологические следствия соответственно для индивида, малой группы и экологической системы³⁷. Важнейшее психологическое следствие на индивидуальном уровне — уменьшение стресса, которое ведет к снижению агрессивности, враждебности. На уровне малой группы повышается сплоченность на основе эмпатии. Экологические последствия состоят в более эффективном функционировании окружающей среды — природной и квазиприродной³⁸. Положительный эффект территориального функционирования есть тогда, когда учтены социальные и культурно обусловленные факторы, необходимые для существования человека в рамках как традиционного, так и современного общества.

Обращает на себя внимание такой феномен, как «привязанность к месту», определяемый как «аффективные связи между индивидом и его непосредственным окружением»³⁹. Это явление играет далеко не последнюю роль в формировании характера человека, его отношении к окружающему миру. На изучение воздействия непосредственного пространственного окружения на человека существенное влияние оказала «топологическая психология» К. Левина, многие принципы которой используются в современной «экологической психологии»⁴⁰.

Практически во всех ранее рассмотренных исследованиях соотношения психологических особенностей человека и окружающей среды существенную роль играет анализ взаимодействия личности как внутреннего «я» с внешними обстоятельствами (как природными, так и культурными). Этот процесс дифференциации личности в работах Виткина, Берри, отношение «я — другие» Альтмана, психологическая черта — «открытость» у Барри, Бэкон, Чайлда, связь национального характера с поисками смысла «я» у Де Во и др. В 1980-е годы в психологической антропологии все большее значение стал приобретать анализ «я» (self) как ядра личности в историческом аспекте (формирование самосознания этноса) и в изучении современных обществ. Определяющее значение здесь сыграла возросшая в 1970-е годы популярность социальной психологии Дж. Г. Мида⁴¹. В середине 1980-х это направление изучения особенностей личности становится одним из центральных в психологической антропологии. Некоторые ученые (например, Шведер и Ле Вин) полагают, что на основе концепции «я» возможен междисциплинарный синтез⁴². Как реально выполняется эта задача, покажем на примере конкретного исследования. В статье Н. Розенбергер «Диалектический баланс в полярной модели „я“ в Японии» интегрированы различные направления исследований психологической антропологии. Изучая особенности японского самосознания, Н. Розенбергер исходит из «народной» (folk) модели «я», где основу взаимодействия «я» (внутреннего) и «я» (внешнего) составляет жизненная энергия *ки*, проявляющаяся в двух формах — организованной и спонтанной. Главная задача для личности — гармоническое единство внутреннего и внешнего, идеальный синтез, достижение просветления (сатори). В данной статье предложено целостный подход к изучению личностных особенностей в их генезисе, воспроизводстве и функционировании в пространстве, времени, общности. Не забыто и влияние пространственно-культурного окружения на особенности проявления «я». Это получило форму как учета особенностей территориального функционирования (контекст пространства), так и включения «я» посредством энергии *ки* в процесс глобального космического взаимодействия. Получили отражение такие качества человека, как агрессивность, эмпатия, любовь, радость, гнев и т. д.⁴³. В итоге Р. Розенбергер представила интересный портрет национально-особенного «я», для создания которого был применен практически весь разнообразный арсенал методов психологической антропологии и в соединении с традиционными представлениями.

Современная психологическая антропология дает новое видение, способ интерпретации и объединяет традиционные этнографические объекты исследования: пищу (биология — экология), жилище (пространство), ритуал (психологический смысл и биологические основания), фольклор. Центральное место в этой системе занимает человек. Разнообразные исследования в рамках психологической антропологии дают возможность по-новому осмыслить известные факты, а именно: какую роль в процессе энкультурации играет жилище, чем вызваны пищевые табу, почему в данной этнической общности распространен именно этот вид ритуала, а не другой и т. д. Таким образом, в психологической антропологии заложена возможность построения системы (или систем) знания о человеке на основе интеграции нередко разрозненных этнологических исследований.

Подводя итоги анализа, необходимо еще раз коснуться отношения человека к природному окружению. В религиозных верованиях, в фольклоре заложена определенная идеологическая установка по отношению к природе, в той или иной мере учитывающая экологические условия в месте проживания. Главной ее особенностью является единение с природой, рассмотрение человека как части последней. Эта специфика в процессе энкультурации становится достоянием каждого члена

этнической общности, можно сказать, психологической чертой. К сожалению, в современном обществе природное окружение рассматривается как нечто чуждое, аналогично социально-психологической оппозиции «мы — они (чужие)». В настоящее время необходимо формирование «экологического сознания» (в том числе и в нашей стране), понимание того, что мы есть не нечто иное по отношению к природе, а ее часть.

В заключение анализа психологической антропологии необходимо сказать еще об одной ее возможной теоретической ориентации или подходе. Речь идет о культурно-исторической концепции Выготского — Леонтьева, ядром которой является порождение (формирование) психики в процессе деятельности. Формирование психологических особенностей осуществляется посредством интериоризации (усвоения опыта общности индивидом) социальных способов деятельности в процессе онтогенетического развития человека. Таким образом, человек овладевает родовыми качествами человечества. Но реально в конкретной действительности этот общий процесс происходит в национально-особенной форме. Э. Фромм, В. Барнов и другие психологические антропологи не случайно рассматривают соотношение «социального» и «национального» характера, поскольку формирование социального типа жизнедеятельности неразрывно связано с той или иной специфической этнокультурной формой. Этнокультурные особенности личности выражаются не только в разнообразных поведенческих стереотипах, эмоциональных стилях, способах общения, но и существуют в объективированных формах (фольклор, различные формы искусства и т. д.). Разнообразие этнокультурных моделей поведения — основа динамического развития человечества в целом. Но для продуктивного использования этого действительного богатства необходимы адекватные социальные условия. Насколько широкое распространение эта ориентация получит в зарубежных исследованиях, покажет будущее. Но уже и сейчас она может служить интерпретирующей теорией в ряде направлений исследований психологической антропологии, прежде всего тех, для которых методологическим ориентиром служит схема Уайтингов.

Отрадно, что в конце 1980-х — начала 1990-х годов в СССР наблюдается оживление интереса к этнопсихологии⁴⁴. Эта тема стала актуальной как для этнографической, так и для психологической науки в нашей стране⁴⁵. Использование накопленных знаний и методологического арсенала психологической антропологии могло бы способствовать более активной разработке данной темы в СССР.

Примечания

¹ В зарубежных исследованиях встречается разнообразное понимание основных терминов, обозначающих подразделение антропологического знания. Я придерживаюсь в данной статье следующей экспликации терминов. Психологическая антропология — дисциплина, образованная при взаимодействии психологии и антропологии. Этнопсихология используется как термин, равнозначный психологической антропологии, в котором содержится указание на объект исследования. Термин «этнология» обозначает всю совокупность антропологического знания в единстве теории и конкретного уровня исследования. Такое применение термина уже получило распространение и в СССР (см. Этнология в США и Канаде. М., 1989).

² Об истории развития направления см.: *Hallowell A. I. Anthropology and Psychology // Hallowell A. I. Contribution to Anthropology*. Chicago, 1976. P. 205—211; *Shweder R. A. Rethinking Culture and Personality. Pt III: From Genesis and Typology to Hermeneutics and Dynamics // Ethos*. 1980. Vol. 8. № 1. P. 60—94.

³ *Белик А. А.* Психологическое направление в этнологии США: от «культуры-и-личности» к психологической антропологии // *Этнология в США и Канаде*. М., 1989. С. 190—240.

⁴ *Bock P. K. Rethinking Psychological Anthropology*. San Francisco, 1988. P. XI.

⁵ *Williams T. R. Introduction // Psychological Anthropology*. The Hague; Paris, 1975. P. 26.

⁶ *Barnouw V. Culture and Personality*. Homewood, 1985; *Le Vine R. A. Culture, Behaviour and Personality*. Chicago, 1982; *Bourguignon E. Psychological Anthropology. An Introduction to Human Nature and Cultural Differences*. N. Y., 1979; *Bock P. K. Continuities in Psychological Anthropology*. San Francisco, 1980; *The Making of Psychological Anthropology*. Berkley, 1978.

⁷ См.: *Белик А. А.* Этологические исследования в этнологии (Англия, США, ФРГ) // *Сов. этнография* (далее — СЭ). 1989. № 3. С. 159—167.

⁸ *Manisha Roy. The Oedipus Complex and the Bengaly Family (A Study of Father-Daughter Relations in Bengaly) // Psychological Anthropology*. 1975. P. 123—137.

⁹ *Stien H. F. Culture and Ethnicity as Group-Fantasies: A Psychohistoric Paradigm of Group Identity // J. Psychohistory*. 1980. Vol. 8. № 1. P. 21—51; *idem. Psychoanalytic Anthropology and Psychohistory — A Personal Synthesis // J. Psychoanalytic Anthropology*. 1981. Vol. 4. № 2. P. 239—251.

¹⁰ *De Vos G. Ethnic Pluralism: Conflict and Accomodation // Ethnic Identity*. Chicago; London, 1982. P. 5—42.

¹¹ *Козлов В. И.* О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии // *СЭ*. 1983. № 2. С. 77.

¹² См.: *Арутюнов С. А.* Культурологические исследования и глобальная экология // *Вестн. АН СССР*. 1979. № 12; *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира (гл. 1. Хозяйственно-культурные типы и географическая среда). М., 1985. С. 17—40; *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1980. С. 245—257; *Душков Б. А.* Психология и география. М., 1987; *Крупник И.*

Арктическая этноэкология. М., 1989; Экология американских индейцев и эскимосов / Под ред. Тишкова В. А. М., 1988; Этнос и экология / Под ред. Козлова В. И. М., 1990; *Козлов В. И.* Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1; впервые в СССР рассматриваемая проблема анализировалась в кн.: *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л., 1928.

¹³ *Kardiner A.* The Individual and His Society. N. Y., 1939. P. 9, 249.

¹⁴ *Barry H. III, Child I. L., Bacon M. K.* Relation of Child Training to Subsistence Economy // American Anthropologist. 1959. Vol. 61. № 1. P. 51—63; *Barry H. III, Josephson L., Lauer E., Marshal C.* Traits Inculcated in Childhood // Ethnology. 1976. Vol. 15. № 1. P. 83—114.

¹⁵ *Edgerton R. B.* Pastoral-Farming Comparisons // Culture and Personality. Chicago, 1974. P. 354—367.

¹⁶ *Bolton R., Gross L., Koel A., Michelson C., Munroe R. L., Munroe R. H.* Pastoralism and Personality: An Andean Replication // Ethos. 1976. P. 4631—4681. «Адаптация способов воспитания детей в раннем детстве к экологическому давлению» занимает фундаментальное место в концепции психосоциальной адаптации Р. Ле Вина. См.: *Le Vine R. A.* Op. cit. P. 132—133.

¹⁷ *Witkin H. A.* Cognitive Styles Across Cultures // Culture and Cognition. L., 1974. P. 99.

¹⁸ Наиболее рельефно аналогичное явление прослеживается в социально-психологическом контексте при экспериментальных исследованиях ложной установки в современном обществе. Самый простой его пример — различное поведение человека в экстремально-парадоксальной ситуации, когда ему предъявляют черный и белый шары, а группа, участвующая в эксперименте, утверждает, что оба шара черные. Нередко испытываемый под давлением окружающих белый шар называет черным. Это явление широко распространено в современных обществах, в том числе и в нашей стране.

¹⁹ *Berry J. W.* Temne and Eskimo Perceptual Skills // Internat. J. Psychology. 1966. Vol. 1. № 3. P. 207—229; *idem.* Human Ecology and Cognitive Style. N. Y., 1976.

²⁰ См. подробнее: *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977. С. 105—107.

²¹ *Berry J. W.* Developmental Issues in the Comparative Study of Psychological Differentiation // Handbook of Cross-Cultural Human Development. N. Y., 1981. P. 485.

²² *Bourguignon E.* Op. cit. P. 223.

²³ *Whiting B. B., Whiting J. W. M.* Children of Six Cultures. Cambridge (Mass.), 1975. Подробно исследования Дж. и Б. Уайтингов проанализированы в обзоре: *Кон И. С.* Исследования детства в трудах Дж. и Б. Уайтингов // СЭ. 1977. № 5. С. 148—158.

²⁴ *Whiting B. B., Whiting J. W. M.* A Strategy for Psychocultural Research // The Making of Psychological Anthropology. P. 55.

²⁵ *Ibidem.* P. 54; о влиянии природных условий на особенности культуры и личности см. также: *Whiting J. W. M.* Effects of Climate on Certain Cultural Practice // Exploration in Cultural Anthropology. N. Y., 1964. P. 511—544; *Pokorny A., Davis F., Haberson W.* Suicide, Suicide Attempts and Weather // Human Behaviour and the environment. Chicago, 1974. P. 345—354.

²⁶ *Hinde R. A.* Individuals, Relationships, Culture. N. Y., 1987. P. 113—114.

²⁷ *Munroe R. H., Munroe R. L.* Effects of Environmental Experience on Spatial Ability in an East African Society // Culture and Personality. P. 335—344.

²⁸ *Munroe R. H., Munroe R. L., Shimm H. S.* Children's Work in Four Cultures: Determinants and Consequences // American Anthropologist. 1984. Vol. 86. P. 369.

²⁹ *Bourguignon E.* Op. cit. P. 68. Аналогичный подход в изучении религии, а именно анализ опосредованного типом субстанциальной активности влияния природных условий на формы и организацию религии можно встретить в европейской этнологии, в частности в концепции О. Хультранца. См. подробнее об этом: *Попов А. С., Белик А. А.* Теология экологии — экология религии // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. № 2; *Белик А. А.* Экология религии // Религии мира. 1989. М., 1990.

³⁰ *La Barre W.* The Ghost Dance: Origins of Religion. N. Y., 1970; *idem.* Anthropological Perspectives on Hallucination and Hallucinogens // Hallucinations: Behaviour, Experience, Theory. N. Y., 1975.

³¹ *Bourguignon E.* Op. cit. P. 258.

³² *Lex B. W.* Neurobiology of Ritual Trance // Spectrum of Ritual. N. Y., 1979.

³³ *Reynolds V., Tanner R. E. S.* The Biology of Religion. N. Y.; L., 1983.

³⁴ См. подробнее об этом: *Белик А. А.* Этологические исследования в этнологии... С. 162—163.

³⁵ *Goldstein A. P.* Aggression Reduction: Some Vital Steps // Aggression and War. Cambridge, 1989. P. 118.

³⁶ В историческом анализе самосознания этноса территориальность играет фундаментальную роль. См.: *Шервуд Е. А.* От англосаксов к англичанам. М., 1988. С. 83.

³⁷ *Taylor R. B.* Human Territorial Functioning. Cambridge etc., 1988. P. 6.

³⁸ *Ibid.* P. 8.

³⁹ *Ibid.* P. 88, 102—104.

⁴⁰ См.: *Barnouw V.* Op. cit. P. 227—228; *Wicher A.* An Introduction to Ecological Psychology. Montrey, 1979; Handbook of Environmental Psychology. N. Y., 1987.

⁴¹ См. подробнее о понятии «Self»: *Кон И. С., Шалин Д. Г.* Дж. Г. Мид и проблема человеческого «я» // Вопр. философии. 1969. № 12.

⁴² Culture and Self. N. Y., 1985; *Shweder R., Le Vine R. A.* Culture Theory. 1984; *Hoffman D. M.*

Self and Culture Revisited: Culture Acquisition Among Iranians in the US // Ethos. 1989. Vol. 17. № 2. P. 32—50.

⁴³ *Rosenberger N. R.* Dialectic Balance in the Polar Model of Self: The Japan Case // Ethos. 1989. Vol. 17. № 1. P. 88—114.

⁴⁴ Кроме цит. соч. Е. А. Шервуд укажем последние работы, посвященные рассматриваемой проблеме: *Митюшин А. А.* Принципы этнической психологии в трактовке Г. Г. Шпега // СЭ. 1989. № 6; *Петрова А. С.* Основные направления современной американской этнопсихологии (психологическая антропология и кросс-культурные исследования) // СЭ. 1990. № 1; *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988. С. 113—136; *Дубова Н. А., Лебедева Н. М., Оборотова Е. А., Павленко А. П.* Адаптация русских старожилов в Азербайджане // СЭ. 1989. № 5. С. 45, 46, 48.

⁴⁵ В начале 1990 г. в Президиуме АН СССР состоялось расширенное заседание ученого совета Ин-та психологии, на котором отмечалась необходимость развития такого приоритетного направления исследований, как этническая психология. См.: Поиск. 1989. № 5. 1—7 февр. 1990.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© 1990 г.

ПЕРЕВОДУ «КАЛЕВАЛЫ»

Л. БЕЛЬСКОГО — 100 ЛЕТ

Столетие русского перевода «Калевалы», выполненного Л. Бельским, было отмечено в Карелии новым изданием, вышедшим в 1989 г. Его подготовил К. В. Чистов, оформил известный иллюстратор эпоса М. Мечев. Ценность этого издания состоит еще и в том, что в его основу положен текст 1915 г. с последними исправлениями и примечаниями переводчика. После смерти Л. П. Бельского его перевод редактировался неоднократно (Д. Бубрих, В. Юнус, Е. Кагаров, М. Шагинян, В. Вазин). К сожалению, желание исправить какие-то неточности и некоторые стилистические погрешности далеко не всегда приводило к улучшению текста. Вот, например, как в последних изданиях русского текста «Калевалы» выглядели начальные строки лённротовского эпоса:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу,—
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пролеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.

Такая синтаксическая структура («Быть готовым... И начать... Чтоб пропеть...») разрушила стройность оригинала, четкие параллелизмы, продиктованные народной традицией. Поэтому как не порадоваться тому факту, что снова зазвучал Бельский:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу,
Чтобы к пенью быть готовым,
Чтоб начать скорее слово,
Чтобы спеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.

Серьезным вкладом в науку о «Калевале» является предисловие К. В. Чистова («„Калевала“ в переводе Л. П. Бельского»). В нем рассказано о предьстории перевода полной «Калевалы», о вхождении его в круг чтения русских читателей и в русскую науку. Автор предисловия, связанный с Карелией в течение многих лет, знающий ее культуру, литературу, фольклор, в свое время опубликовал письма Э. Леннрота Я. Гроту. Пожалуй, с этого начался его интерес к русско-финским культурным связям. Рассказ о взаимоотношениях академика Я. К. Грота и создателя «Калевалы» Э. Лённрота совершенно обоснованно занимает в предисловии большое место. Я. Грот был первым, кто написал о Лённроте и его «Калевале» в русской печати. Так, в статье «О финнах и их народной поэзии», опубликованной в журнале «Современник» в 1840 г., он сжато изложил «Калевалу» прозой и, кроме того, дал образец пробного перевода ХХІХ руны. В то время, когда Лённрот создавал